

Ангелы

на автопилотах

О взглядах поэта С. В. Смирнова на природу абсурда

*Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель на дом.
Владимир Маяковский.*

*для крохотных фрагментов рая,
которыми украсил город
небесный пристальный стилист.
(«Собиратель солнечных осколков»)*

Я и не сомневался в том, что поэт понимает абсурд как некую бессмыслицу, порождающую хорошую акустику в голове. Абсурд не терпит мышления и потому в голове долго не задерживается. Поскольку человек существо мыслящее, а по Аристотелю, даже «животное политическое», то люди не могут жить без абсурда. Заглохла б нива жизни! Вот так, рассуждая вместе со стихами Сергея Смирнова, я ещё раз напомнил сам себе о том, что «природа не терпит пустоты», что ещё при сотворении Земли Бог заложил в неё гармонию. Вот почему, судя по стихам поэта, абсурды ему не страшны. Все это чушь! Абсурды — рукотворны. Абсурды создают сами люди. Как умные, так и не очень.

Вероятно, создание абсурда зависит ещё и от того, какие цели преследует его создатель. При столкновении с абсурдом, было бы полезно сначала выяснить природу его происхождения. Одни абсурды можно просто не замечать, (не брать в голову!) в силу их небольшой ударной силы. В отношении других было бы полезно выяснить, откуда они родом.

Читая стихи Сергея Смирнова, понимаешь, как хорошо он может обезвредить абсурд: осторожно, как сапер мину. Но когда абсурд создан умным конструктором, на это уходит больше времени. Вот, например, в стихотворении «По переулкам пыльной памяти» Сергей напоминает о случившемся однажды с нашим городом.

**Немного о стихах, ангелах
и правилах борьбы с земным
притяжением.**

ЖИВЁТ И ТРУДИТСЯ в нашем городе замечательный поэт Сергей Владимирович Смирнов. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. Александра Прокофьева «Ладога». В жизни он десантник-«морпех» и разнорабочий, ночной сторож на заводе «Фосфорит» и газосварщик. Однако по основной своей профессии он поэт. Выпускник Московского литературного института им. А. М. Горького. Автор шести стихотворных сборников. Возглавляет при нашей районной библиотеке литературное объединение «Зарница».

Получил я однажды от него в дар сборник стихов «Ангел на автопилоте». Кстати. Тираж ... 60 экземпляров!!! Но я, каюсь, задержал с обещанным отзывом. Были причины. И вот представился случай поговорить об этом на высоком уровне, в рамках библиотечной практики, да ещё и в контексте философии абсурда. И тут я вспомнил про ангела ... на автопилоте. Взял с полки подаренную мне Сережей тоненькую книжечку, повернул её тыльной стороной и попросил у поэта прощения за долгое молчание. И он, посмотрев на меня строго, ответил:

*Упало солнце и разбилось ...
А я осколки собираю —
в витринах, окнах, листьях лужах,
на шумных улицах столиц.
Нет логотипа с копирайтом*

*Владислав Оскарович Скитневский,
кандидат педагогических наук, доцент
библиотековедения, г. Кингисепп*

*Город менял название
И оброс микрорайонами....*

*.....
Входишь в лето, словно в летопись,
и, потомкам в назидание,
остаёшься в белой клеточке
буквой, знаком препинания.*

Поэт имеет в виду специальной заданный абсурд, и по сей день остающийся миной замедленного действия. В 1922 году в буржуазной Эстонии был расстрелян эстонский большевик Виктор Кингисепп, один из соратников «Железного Феликса». В ответ на это зло очень дальновидный архитектор коммунистических абсурдов Троцкий приказал переименовать соседний с Эстонией город Ямбург в Кингисепп. Для горожан это стало чистейшим абсурдом. Всё-таки шесть веков нашему Ямбуру — и вдруг смена имени. Отнять у человека имя — всё равно, что умертвить его. И вот уже 90 лет наш город носит эстонское имя. Конечно, Троцкий хорошо знал, что делает. Он всё просчитал. Не потому ли за всю историю с 1922 года в нашем городе не было поставлено ни единого, даже маленького памятника Ленину или Ста-

лину? В нашем городе этими именами не назвали ни одну улицу, школу; ни один посёлок в районе так не нарекли. Абсурд?

Многолетняя травма для целого ряда поколений. И только один памятник в городе — Виктору Кингисеппу. Он установлен в уютном тенистом уголке, так что, проезжая мимо по проспекту, его ни за что не увидишь. Зато он видит всех! Он как бы наблюдает, кто возлагает ему цветы, кто сидит рядом на скамейках, слушает, о чём они говорят. Местные поэты и композиторы пишут гимны любимому городу с его именем. Но гимн — это та же молитва. И Кингисепп-памятник слушает её: «... милый город, родной Кингисепп», «...я люблю тебя мой Кингисепп!» В натуре! И в литературе!

Правда, есть абсурды и проще. Например, наш город Кингисепп относится

к Ленинградской области, органы власти которой находятся в Санкт-Петербурге. Абсурд? Но его, конечно, можно принять: всё-таки культурная столица России. И очень приятно, что в городе живёт очень много творческой интеллигенции, тесно связанной с библиотекой

и историко-краеведческим музеем. Часто встречаются горожане с представителями культуры из Санкт-Петербурга. В городе проживают два лауреата литературной премии имени Сергея Прокофьева «Ладога», два члена Союза писателей России — Вера Бурдина и Сергей Смирнов. Их хорошо знают и петербургские читатели.

Реалии современной жизни становятся для наших поэтов, в том числе и для Сергея, плодотворным фоном для зарисовки абсурдного действия через призму поэтического мастерства. Чего-чего, а уж абсурдов в нашей жизни хватает. Сергей ещё в молодости обратил внимание на стихи Николая Заболоцкого. Они стали для него хорошей литературной школой в борьбе с «пустотами жизни». С го-

дами у него выработалась собственная манера нахождения абсурдного в политической экономической, социальной жизни страны и переложения их на язык поэзии. Со своей спецификой распознавания абсурдов, хищное и злое содержание которых заставляло его порой вздрагивать. И тогда появлялись новые стихи.

*Вот тебе, бабушка, Юрьев ликбез,
Вот тебе, с понтом, и Поинт, и За-
бриски!*

*Вот тебе, дедушка, ихний «Пинк
Флойд»,*

*Год в небесах и два года на флоте,
Вот тебе дружбы народов оплот,
Вот тебе ангел на автопилоте!
(«Юрьев ликбез»)*

Профессиональный поэт и сегодня занят на простых рабочих должностях. Он считает это необходимым, даже полезным для поэта делом. Он пишет о Родине — России. Он пишет стихи на великом, могучем и свободном языке — русском. Этот язык он считает своим богом, своим братом, своим другом, своим ... врагом. Он всегда готов защитить родной язык. Он готов переводить на него даже соловьиное пение:

*И в свете луны проявляются строчки.
И рифмы блуждают в моей голове.*

*И мир постепенно сжимается в точку,
в которой по-русски поёт соловей.
(«Попытка перевода с соловьиного»)*

Но разве это не абсурд? Абсурд. Кому-то может показаться, что соловей каркает и крикает. Всё зависит от того, кто его слушает, кому что приходит на ум. Вот, например, если Сергею нужно по графику отправиться на ночную вахту, он идёт в любую погоду, даже тогда, когда «лед на каждый шаг стреляет: «ахтунг!»». Странное дело! Это слышится уже на другом языке. Вот что зна-

чит Запад и Восток! Восток, конечно, дело тонкое. Сергей это тоже хорошо понимает.

*Обхожу завод ночным дозором,
наблюдаю снежный хоровод,
фонари дрожат с немым укором
от бесчинства поднебесных вод.
Я иду — и все пути открыты,
Цезарь с Динкой вертятся у ног...
(«Собачья вахта»)*

Вернувшись с вахты домой, Сергей засыпает не сразу. И не от холода, а скорее всего, от накопившихся абсурдов, не дающих душе и сердцу покоя. Такова жизнь с её бытом. Для него возможно лишь что-то одно: или быть, или иметь. Абсурд местного значения. И поэт к нему относится спокойно. Он ориентирован, конечно, на «Быть», презирая заполнившее мир «Иметь».

*Ледяная луна, ледяная, не смотри
ты в окно не смотри.*

*Я-то знаю, луна, я-то знаю: у тебя
только холод внутри.*

*Комнатушка моя лубяная, радость
духу, отрада очам.*

*Ледяная луна, ледяная, не смотри
ты в окно по ночам.*

(«Заклятие ледяной горы»).

Хорошо понимая, что природа не может быть абсурдной, Сергей Смирнов, примеривает этот тезис сначала на себя, и если его «раскусил», то начинает подбирать адекватную метафору. Начинается работа на читателя.

*Забьют и заброшен, летишь, потеряв
опору,*

*Минуя в полёте котов и зелёных
злюк,*

*Надеясь, что центр отзовется, и
очень скоро*

*Откроется рядом спасательный белый
люк.*

(«Невесомость»)

Если же речь идёт о законах или подзаконных актах, явно идущих в разрез со здравым смыслом, то здесь поэт прибегает к правилам стихосложения, используя тропы из имеющегося у него огромного арсенала поэтических средств и методов. И чем больше у него таких методов, тем сочнее метафоры, тем активнее формируется образное и критическое мышление читателей.

*Наш домик уютный летит в безвоздушном
пространстве,*

*Вот так — без руля и ветрил, без антенн
и моторов*

*По дивно украшенной длинной космической
трассе*

Среди астероидов, пыли, комет, метеоров.

*Мы тихо сидим возле печки на старом
диване*

*и кормим голодное пламя сухими
дровами.*

*А ты все не веришь и шепчешь: «Куда
подевались*

*Друзья и соседи? Мы раньше дружили
домами».*

.....

*Я пледом укуроу тебя и, покуда ты
дремлешь,*

*пойду покурить на крыльцо и в молчанье
глубоком*

*припомню соседей, друзей и родимую
землю.*

*Я их позабыл — да напомнила ты
ненароком.*

(«Дом, летящий в пространстве»).

Опыт натурфилософии Николая Заболоцкого, известного нам по его знаменитым «Столбцам», пригодился и Сергею Смирнову. Сергей хорошо умеет играть в смыслы. Это почти как в шахматы. Надо просто разгадать суть абсурда и подобрать к нему адекватную метафору. И делает он это без всякого цинизма,

без политического надрыва, а так — «само собой!». Сначала я долго не мог понять, что изображено на обложке его сборника. Причём здесь ангел, да ещё на автопилоте? Оказывается, всё очень просто. Своего ангела Сергей видит только зимой, когда появляются большие сугробы. Он падает навзничь на него и восклицает: «О, Русь! Взмахни крыльями!» И взмахнув руками несколько раз, он осторожно поднимается. На снегу остаётся след. От ангела! Сам он, конечно, уже улетел, но оставил ему то ли

визитку, то ли оттиск для миграционной службы, а может и счёт в бухгалтерию ЖКХ. Да мало ли что может тебе твой ангел преподнести? Абсурдных проблем в жизни много? Может, и санкции какие-то. Сейчас это модно.

А с автопилотом у ангела всё гораздо проще. У каждого россиянина сегодня в семье далеко не по одной автомашине с программным управлением. За рулём теперь ощущают себя пилотом. Не едет. Летит! В автопилоте у каждого своя путевая программа, типа АСУ. Машина сама летит, а ты руки сложил, как ангел, и смотришь по сторонам. И какой же русский не любит быстрого полёта! Ангел. У каждого из нас свой ангел хранитель, своя программа сохранения, наподобие АСУ. У всех они разные. И не только в России. У ангелов, например, в Германии своя, в Великобритании, во Франции, даже в США тоже свои. Каждая путевая программа зависит от уровня в ней абсурдности. В натуре!

Сергея Смирнова на них не хватает. В литературе!

С автором можно связаться:
vlad.slod36@mail.ru

Об абсурде в творчестве кингсепского поэта Сергея Смирнова.
Абсурд, поэзия, Сергей Смирнов
The story is about the absurd in poetry of Sergey Smirnov.
Absurd, poetry, Sergey Smirnov

